

«с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках».³⁸

Итак, история — урок царям, а для подданных, как и философия и литература, — средство утешения и примирения. Но история, по Карамзину, шире литературы. «История не роман и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир».³⁹ Темные стороны жизни, как «пески бесплодные и степи унылые» в природе, не привлекают поэта; историк обязан говорить обо всем, не исправляя недостатков природы. «История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть могло».⁴⁰ Писатель не выносит приговора, историк судит.

«Худых царей наказывает только бог, совесть, история: их ненавидят в жизни, клянут и по смерти. Сего довольно для блага гражданских обществ без яда и железа» (8, 28). Эта сентенция, как и многие другие, имеет свою цель доказать преступность покушений на власть и жизнь венценосцев, но она объясняет тон книги. Может быть, незаметно для себя Карамзин использует радищевский образ, отличая «язык двора и лести от языка истины» (8, 4). А перейдя на язык истины, он не именует пороки слабостями, рука его не дрожит, срывая покров лести с владык, коих ни власть, ни строгость не спасают от презрения (см. 8, 27), голос его наполняется непривычной силой, когда он судит тиранов. Теперь ему нужна и риторика, и гражданская лексика, и высокий слог. Они нужны и в сугубо консервативных рассуждениях, к которым автор прибегает, чтобы направить мысль читателя, растревоженную фактами.

Рассуждений в «Истории государства Российского» немало. Карамзин, однако, считал главным в исторической книге не их, а талантливое изображение «действий и характеров», сливая в основном для себя вопрос истории с литературой.

Писатель пытается выполнить собственный завет и рисовать дела и свойства людей прошлого в соответствии с «характером времени», чему мешает антиисторичность общей концепции книги, непонимание движущих сил истории, очень узкое определение «обстоятельств» и т. д. Широкое распространение получает наметившийся еще в рецензии на «Эмилию Галотти» метод показа многообразия страстей, соединенный с подчеркнутой объективностью историка: «История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей совершенными» (6, 222). Соответственно оказывается, что на «светлых тронах» восседает не одна добродетель. Так, Ольга не только мудрая, но и жестокая и хитрая правительница. Святослав — великий полководец, но не великий го-

³⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1816, стр. XVII.

³⁹ Там же, стр. XXI.

⁴⁰ Там же, стр. XXIV.